

наши дни. Индоктринируемость ведет к «унификации взглядов, какой до сих пор не знала история» и «кондиционирования» человека в течение его онтогенеза,

Если сравнить угрозу атомного оружия с воздействиями на человечество семи других смертных грехов, то трудно не прийти к заключению, что из всех восьми этого греха избежать легче всего. Можно ясно и определённо сказать, что надо делать против «бомбы»: надо её попросту не изготавливать или не сбрасывать. При невероятной коллективной глупости человечества добиться этого довольно трудно. Величайший вред, который ядерная угроза уже сейчас причиняет человечеству и который остаётся даже в самом благоприятном случае, состоит в том, что оно создаёт общее «настроение конца света».

Литература:

1. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998.

Ботько А.Ю., Дождикова Р.Н. И.А. Ильин о вере как «первичной, ведущей силе человеческой жизни»

Эпиграфом к книге И.А Ильина «Путь духовного обновления» послужили слова апостола Павла: «Мы ходим верою, а не видением». Латинское слово «veritas», т.е. истина, является близким не только по звучанию, но и по смыслу русскому слову «вера». И все же согласно И. А Ильину, «верить» – это гораздо больше, чем «признавать за истину». О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души; где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека. Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как самое главное в своей жизни. ...Сколько бы мы ни искали, мы не найдем такого человека, который ни во что не верил бы. Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может жить, ибо вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки. Все люди верят: и образованные и необразованные, и умные и глупые, и сильные и

слабые. Одни сознают, что они верят, другие верят, не сознавая этого. Одни знают и то, что они верят, и то, во что они верят, а может быть, и то, на каком основании они верят. Другие верят просто, не зная этого за собою и, может быть, ни разу в жизни не подумав, во что же это они, собственно говоря, верят и есть ли у них какие-нибудь основания для этой веры. Но вера всегда остается первичной силой человеческой жизни – совершенно независимо от того, понимают люди это или нет. Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно – жить без веры.

Люди живут и верят очень часто в слепоте и беспомощности, и не знают, и не догадываются о том, что человеку надлежит строить свою веру, а не предоставлять ей расти наподобие полевой травы, и вследствие этого люди очень часто верят. Большинство же верит в наслаждения или в чувственные наслаждения, во все, что к ним ведет и с ними связано (деньги, развлечения), т.е. эти люди творят себе кумиров и поклоняются им. Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Чем сильнее и цельнее его вера, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон. Так обстоит всегда. Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая их за главнейшее в жизни, их любя, им служа и предаваясь, то он сам превращается постепенно в чувственное существо, в искателя земных удовольствий, в наслаждающееся животное; и это будет выражаться в его лице и в его походке, смотреть из его глаз и управлять его поступками. Однако тот же самый закон обнаруживается и на благих путях, но с тем различием, что человек будет не «верить», а «веровать», и это придаст его вере особую силу и глубину. И.А. Ильин подчеркивает, что в русском языке идее «веры» придается два различных значения: одно связывает веру с потребностью верить, а другое – со способностью веровать. Верят — все люди, сознательно или бессознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. Веруют же – далеко не все: ибо верование предполагает в человеке способность прилепиться душою (сердцем, и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывает им некий «путь ко спасению» (Феофан Затворник). «Верящие» люди чаще всего не имеют

единого и общего им всем духовного предмета, и потому их вера разъединяет их, не создавая ни религии, ни Церкви. Но «верующие» люди имеют единый и общий им всем духовный Предмет; они вступают в творческое единение с Ним, а через это объединяются между собою: слагается религия и церковь. Вера живет и в том, кто «верит», и в том, кто «верует». Она выражает у обоих склонность души видеть в чем-то жизненно главное и руководящее и прилепляться к нему своим доверием и преклонением. Но эта приверженность души поднимает человека на настоящую высоту только тогда, когда она находит себе высший и достойный предмет. Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него; она ставит нас перед основным вопросом: «ради чего ты живешь? во что веришь? чему ты служишь? в чем смысл твоей жизни? То, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры! Можно понять, что человек отдает свою жизнь в борьбе за свое право, за свободу, за веру, за родину, за храмы, за свой народ, но отдать ее за личные удовольствия – просто не стоит.

Верующему свойственно крепко держаться за свою веру – и в жизни, и перед лицом смерти; но именно перед лицом смерти ему неизбежно спросить самого себя: да стоило ли, в самом деле, жить тем, чем я жил до сих пор? верна ли и крепка ли была моя вера? Вот почему каждый из нас должен спросить себя: способен ли я, готов ли я умереть за то, во что я верю? Если да, то моя вера сильна, глубока и действительна. А если нет, то сила моей веры невелика, и, может быть, она невелика именно потому, что прилепилась к нестоящему. Человек не может жить без веры, но он может иметь веру слабую и дурную, ибо далеко не всякое жизненное содержание заслуживает веры.

Настоящий ученый прекрасно понимает, что «научная» картина мироздания всё время меняется, всё осложняясь, углубляясь, уходя в детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства. Настоящий ученый знает, что наука никогда не будет в состоянии объяснить свои последние предпосылки или определить свои основные понятия. Этим и объясняется то обстоятельство, что среди настоящих и великих ученых многие питали и питают живую

веру в Бога: их взор не ослеплялся тем, что уже познано и добыто, но оставался прикованным к тайнам мироздания и к скрытым в них богатствам, а созерцание этих тайн пробуждало в них тот внутренний, духовный опыт, от которого рождается религиозное настроение и «верующая» вера. Так, истинная ученость не уводит от Бога, а ведет к Нему. Поэтому «религиозная вера вовсе не связана с «глупостью» и «невежеством»; она нужна всем людям: и самым умным, и самым образованным».

Таким образом, знание и вера совсем не исключают друг друга. Тот, кто полагает, что вера есть нечто произвольное, несерьезное и безответственное и что веровать можно только без всяких оснований в недостоверное и выдуманное, – тот жестоко ошибается; и ошибка его проистекает из наивности. На самом деле человеческий опыт бесконечно шире, богаче и разнообразнее, чем это представляют себе современные материалисты и безбожники. Неумно и вредно закрывать себе глаза на это разнообразие и богатство опыта, культивировать свои низшие способности и отвергать или даже отрицать высшие. В действительности дело обстоит так, что человеку, наряду с чувственными ощущениями, даны и другие, бесконечно более благородные, утонченные и значительные источники опыта. Судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того, живут ли люди этим опытом, умеют ли ценить, развивать и творчески пользоваться источниками его и т. д. Человек не может жить одними чувственными восприятиями, исходя только из них и ограничиваясь только ими... Человеку же присущи, сверх телесных ощущений, еще чувствования, сила воображения, воля и энергия мысли. Конечно, можно относиться с презрением к жизни чувства – например, к любви, радости, благодарности, уважению, благоговению, чести и патриотизму – и отвергать все это как «сентиментальность», но от этого душевные чувствования отнюдь не исчезнут, они станут только грубыми, злобными, нечистыми и отвратительными, т. е. душевно и телесно вредными, а духовно губительными; они прилепятся к дурным содержаниям, и человеческая душа исполнится ненависти, зависти, злости, гордости и мстительности. Всё это означает, что помимо внешнего (чувственного) опыта человеку дан еще внутренний (нечувственный) опыт. И вот, этот внутренний, духовный опыт и

есть истинный источник и истинная область веры, религии и всей духовной культуры вообще. Воспитать человека – значит, прежде всего, пробудить в нем эти духовные переживания и открыть ему доступ к этому духовному опыту. Только в этом опыте человек может постигнуть, что такое любовь, какова ее глубина и сила и в чем ее священное значение. Через духовный опыт человек общается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом. Отсюда возникает «верующая» вера. Здесь зарождается религия и церковь. Только духовный опыт опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, – только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный Предмет религиозной веры. Человеку необходим свет очевидности, некая несгорающая купина, которая горела бы в нем самом, чтобы он мог и сам возгореться от нее; ему необходим свет неиссякающий и ему самому внутренне доступный. Источник такого света один: это духовный опыт, в коем человеку открывается лицезрение Божие. Отсюда — всякая подлинная, «верующая» вера, эта первая и высшая сила человеческой жизни, дающая ему свободный полет через жизнь и смерть. Только здесь человек может обрести своего Бога и Господа и соединить себя с Ним любовью и верностью. Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является любовь.

И. А. Ильин в своей работе «Путь духовного обновления» рассматривает семью как первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. «То, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве и притом самим этим детством; существуют, конечно, врожденные склонности и дары, но судьба этих склонностей и талантов — разовьются ли они в дальнейшем или погибнут, и если расцветут, то как именно, — определяется в раннем детстве. Вот почему семья является первичным лоном человеческой культуры». Именно в семье «человек впервые научается (или, увы, не научается!) быть личным духом, так и в том смысле, что духовные силы и умения (или, увы, слабости и неумения), полученные от

семьи, человек переносит затем на общественную и государственную жизнь». В этом смысле семья есть не только «первоначальная, исходная ячейка духовности», но и основная ячейка общества и государства. Как утверждал немецкий богослов Толлок, «мир управляется из детской». Но согласно И. А. Ильину, «мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь мы прокладываем не только пути спасения, но и пути гибели. И если мы подумаем, что “следующее поколение” все время вновь нарождается и воспитывается и что все его будущие подвиги и преступления, его духовная сила и его возможное духовное крушение – уже теперь, все время, слагаются и созревают вокруг нас и при нашем содействии или бездействии, то мы сможем отдать себе отчет в том, какая ответственность лежит на нас. Все это означает, что семья есть как бы живая “лаборатория” человеческих судеб личных и народных». Проблема семьи – это одновременно проблема воспитания детей. Некоторые думают, что “иметь детей кому ума не доставало?!” (А. С. Грибоедов), поэтому «утонченнейшее, благороднейшее и ответственнейшее искусство на земле – искусство воспитания детей – почти всегда недооценивается и продешевляется. Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. Это как раз в те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма». Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие «переживаемого человеком духовного кризиса. Этот кризис подрывает семью и ее духовное единение, он лишает ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство, а именно чувства взаимной духовной принадлежности». По Ильину, семья есть «целый остров духовной жизни. И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад». Основой семьи является любовь, а «семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости». Если семья – очаг любви и счастья, тогда ребенок может развиваться правильно и творчески. «Только

тогда он сможет развернуть свои нежнейшие и духовнейшие способности; только тогда его собственная инстинктивная жизнь не будет вызывать в нем ни ложного стыда, ни болезненного отвращения; только тогда он сможет прильнуть с любовью и гордостью к традиции своей семьи и своего рода с тем, чтобы принять ее и продолжить ее свою жизнь. Вот почему любящая и счастливая семья есть живая школа – сразу и творческого равновесия души, и здорового органического консерватизма». В любви человек, «желая смертного и конечного, любит скрытую за ним бессмертность и бесконечность; он ставит свою любовь перед лицом Божие и Божиими лучами освещает и измеряет любимого человека». Брак является основой духовного единения и единства, а самое драгоценное в браке - полное взаимное доверие перед Лицом Божиим и взаимное уважение, способность образовать новую, жизненно сильную духовную ячейку. «Только такая ячейка может разрешить главную задачу брака и семьи – осуществить духовное воспитание детей. Воспитать ребенка значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания». Итак, нет более верной основы для достойной и счастливой семейной жизни, как взаимная духовная любовь мужа и жены. И только такая любовь может дать человеку тот запас взаимного понимания, взаимного снисхождения к слабостям и взаимного прощения, терпения, терпимости, преданности и верности, который необходим для счастливого брака. И.А. Ильин выделяет следующие функции семьи:

1) семья имеет призвание дать ребенку самое главное и существенное в его жизни, в семье человек учится от природы любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего;

2) семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию;

3) в семье ребенок учится верному восприятию авторитета и высшего ранга другого лица;

4) семья есть первая, естественная школа свободы: в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе;

5) семья должна быть школой здорового чувства частной собственности.

Согласно И. А. Ильину, здоровая семья всегда была и всегда будет органическим единством — по крови, по духу и по имуществу. И это единое имущество является живым знаком кровного и духовного единства, ибо это имущество в том виде, как оно есть, возникло именно из этого кровного и духовного единения и на пути труда, дисциплины и жертв. Семья, лишенная любви и духовности, где родители не имеют авторитета в глазах детей, где нет единства ни в жизни, ни в труде, где нет наследственной традиции, — может дать ребенку очень мало или же не может дать ему ничего. Основная задача воспитания ребенка состоит в том, чтобы «ребенок получил доступ ко, всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни; чтобы его сердце, столь нежное и восприимчивое, научилось отзываться на всякое явление Божественного в мире и в людях. Душа ребенка должна научиться воспринимать сквозь весь земной шум и сквозь всю неиссякающую пошлость повседневной жизни священные следы и таинственные уроки Всевышнего, воспринимать их и следовать им, чтобы, внемля им, всю жизнь “обновляться духом ума своего” (Ефес. 4, 23). Итак, самое важное в воспитании — это духовно пробудить ребенка и указать ему перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни — источник силы и утешения в его собственной душе. Надо воспитать в его душе будущего победителя, который умел бы внутренне уважать самого себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу — духовную личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения современного сатанизма. Именно семья дарит человеку два священных первообраза, которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух: первообраз чистой матери, несущей любовь, милость и защиту, и

первообраз благого отца, дарующего питание, справедливость и разумение.

Гаврук Е.И., Терлюкевич И.И. Проблема цвета в православии и светской культуре

Общие тенденции употребления цветовой гаммы в православии: золотой или сияющий желтый цвет - образ Божьего присутствия, вечности и благодати. Золотом пишутся нимбы святых, золотыми штрихами прописываются одежды Спасителя, Евангелие, подножия Спасителя и ангелов;

белый цвет символизирует невинность, чистоту, святость, сияние Божественной славы. В белых одеждах изображаются воскресший Христос, ангелы, праведники;

красный цвет обозначает мысль Бога о мире, символизирует жертву Христа. Красное одеяние Богородицы говорит о предначертанности Ее удела;

синий цвет – стремление мира к Богу. Он означает чистоту и целомудрие, является атрибутом Богородицы, символом Ее приснодевства;

зеленый – цвет гармонии Божественного бытия, предвечный покой;

фиолетовый передает особенность служения святого угодника;

черный – пустоту, отсутствие благодати, смерть, отречение от мирской суеты и покаяние.

Согласно православной традиции, цвет облачения зависит от периода годового круга богослужений и от празднуемого Церковью события.

В воскресные дни, а также в дни памяти пророков, апостолов, святителей цвет одежды священника золотистый или желтый; в Богородичные праздники, а также в период Успенского поста полагается одеяние голубого цвета, в период постов цвет облачений темно-синий, фиолетовый, темно-зеленый, темно-красный, черный (облачение черного цвета употребляется преимущественно в дни Великого поста).

В дни памяти мучеников, в день усекновения главы св. Иоанна Предтечи и во время совершения таинства Венчания священник надевает красные одежды. Службы в дни памяти преподобных,